

Базылова Б.К.
**Воспоминания как
 «биографо-апокрифический»
 жанр**

В статье рассматривается мемуарно-биографический очерк Н.С. Лескова, посвященный личности известного ученого-фольклориста и писателя-публициста П.И. Якушкина – «Товарищеские воспоминания о П.И. Якушкине».

Образ жизни П.И. Якушкина представлен Н.С. Лесковым как своеобразная разновидность русского национального «праведничества». Воспоминания о П.И. Якушкине представляют собой новый тип хроникальной композиции, обусловленный особенностями характера личности, о которой рассказывает мемуарист.

Своеобразный жанр воспоминаний Н.С. Лескова можно определить как «биографо-апокрифический», так как основой его является «канонический» подтекст общеизвестных фактов биографии П.И. Якушкина. В представлении Н.С. Лескова они неотделимы от «апокрифических» наслоений в виде разнообразных слухов, свидетельств современников и очевидцев, в которых отражается и своеобразие переживаемой автором эпохи, и индивидуальная неповторимость характера героя литературных воспоминаний.

Ключевые слова: мемуарно-биографический очерк, литературный портрет, апокриф, фольклорный очерк, жанр воспоминаний.

Bazylova B.K.
**Memoirs as «biografo-latent»
 genre**

The article considers the memoirs and biographic sketch of N.S. Leskov devoted to the identity of the famous scientist-specialist in folklore and the writer-publicist P. I. Yakushkin – «Friendly memories of P.I. Yakushkin».

The way of life of Yakushkin is presented by Leskov as a peculiar kind of Russian national «righteous person». Memories of Yakushkin represent a new type of chronicle composition caused by features of character of the personality about whom the memoirist tells.

A peculiar genre of memoirs of Leskov can be defined as «biography – apocryphal» as its basis is the «initial» implication of facts of common knowledge of the biography of Yakushkin. In Leskov's representation they are inseparable from «apocryphal» stratifications in the form of various hearings, certificates of contemporaries and eyewitnesses in whom also the originality of the era is endured by the author, and individual originality of character of the hero of literary memoirs is reflected.

Key words: memoirs and biographic sketch, literary portrait, apocryphal story, folklore sketch, genre of memoirs.

Базылова Б.К.
**Естеліктер «өмірбаяндық-
 апокрифтік» жанр ретінде**

Мақалада Н.С. Лесковтың белгілі ғалым-фольклортанушы және жазушы-публицист П.И. Якушкинге арналған «П.И. Якушкин туралы жолдастық естеліктер» атты мемуарлық-өмірбаяндық очеркі қарастырылады.

Якушкиннің өмір салты Лесковқа орыс ұлттық тақуалықтың ерекше бір түрі ретінде көрінеді. Якушкинді еске алу мемуаршы әңгімелеп отырған тұлғаның мінез-құлқының ерекшеліктерімен уағдаланған хроникалық құрылымның жаңа бір түрі болып табылады.

Лесковтың еске алу жанрын «өмірбаяндық-апокрифтік» деп анықтауға болады, өйткені оның негізін Якушкин өмірбаянының көпшілікке мәлім деректерінің «канондық» астары құрайды. Лесковтың түсінігінде олар автор өмір сүрген заман мен әдеби естелік кейіпкері мінез-құлқының жеке бір қайталанбас ерекшелігі бейнеленген әр түрлі дақпырт сөз, замандастары мен көз көргендердің айғағы күйінде «апокрифтік» қабаттардан ажыратылмайды.

Түйін сөздер: мемуарлық-өмірбаяндық очерк, әдеби кескін, апокриф, фольклорлы очерк, естелік жанры.

УДК 82:801.6;82-1/-9

Базылова Б.К.,

к. ф. н. доцент Казахского государственного женского педагогического университета, г. Алматы, Казахстан,
e-mail: baglan_5_3@mail.ru

ВОСПОМИНАНИЯ КАК «БИОГРАФО- АПОКРИФИЧЕСКИЙ» ЖАНР

Мемуарно-биографический очерк Н.С. Лескова, посвященный личности известного ученого-фольклориста и писателя-публициста П.И. Якушкина, впервые был опубликован среди других воспоминаний современников, помещенных в посмертном издании сочинений Якушкина в 1884 году. Критика XIX века отмечала особый характер этих воспоминаний, признавая, что их отличает «художественность и полнота» – «это как бы законченный художественный очерк, картинка с натуры, нарисованная с обычной г. Лескову талантливостью» [1]. В XX столетии В. Базанов – один из авторитетных исследователей биографии и личности Якушкина – писал, что только Лескову удалось разгадать и «нарисовать его реальный портрет, правда, с присущей этому художнику чрезмерностью» [2, 268]. Базанов использовал «Товарищеские воспоминания о Якушкине» наряду с другими мемуарами современников как документальное свидетельство реальности того социально-психологического типа русского интеллигента, который воплотился в личности Якушкина. В статье, посвященной Якушкину, Базанов показал, как общение с ним отразилось в рассказе Лескова «Овцебык», отметив совпадение ряда фактов из жизни реального человека и главного героя рассказа Василия Богословского.

В «Товарищеских воспоминаниях о П.И. Якушкине» Лесков создает оригинальную жанровую разновидность литературного портрета, в котором принцип подачи фактов биографии писателя отражает концепцию создаваемого характера. Автор не претендует на полноту и всесторонность его изображения, выстраивая образ Якушкина согласно собственной идее, которую настойчиво внедряет и в сознание читателя.

Образ жизни Якушкина представлен Лесковым как своеобразная разновидность русского национального «праведничества», запечатленного им ранее в образах героев рассказов 1860-х годов «Овцебык», «Очарованный странник», «Несмертельный Голован», «Котин доилец и Платонида», романе «Соборяне». В концепции характера героя воспоминаний нашел отражение интерес писателя к художественной обработке раннехристианских сюжетов в произведениях 1880-х годов «Гора», «Совестный Данила», «Скоморох Памфалон», «Прекрасная Аза»,

в работу над которыми «вклинились» «Товарищеские воспоминания о Якушкине». Довольно странным выглядит факт практически полного отказа Лескова от оценки и комментирования собирательской, научной и публицистической деятельности Якушкина, то есть той стороны биографии фольклориста и писателя, в которой проявилась его активная жизненная позиция.

Лесков творит собственную легенду о Якушкине – праведнике, действующем по воле высших сил, повинувшись непосредственному течению жизни. Весь материал воспоминаний о Якушкине сгруппирован в пространстве между двумя крайними параметрами его характеристики, данной современниками: «мужицка чучелка» (Функендорф) и «божий человек» (С. Максимов). Именно эти оценки личности Якушкина, приведенные Лесковым, представляют нам концепцию его личности в «Товарищеских воспоминаниях». В обретении Якушкиным, помимо его собственной воли, качеств «божьего человека» и видит смысл его существования Лесков. Формирование такого представления о своем герое Лесков начинает с эпитафии.

Отличительной особенностью стиля литературного портрета Якушкина является эпитафия, который сразу настраивает читателя на определенный ракурс восприятия его личности. Практически всегда Лесков-художник предварял свои произведения эпитафией. Часто писатель начинал работу над текстом с подыскания эпитафии [3, 104], тем самым «настраивая» свое воображение на определенный лад. В окончательном варианте, поставленный перед изложением, эпитафия задавал тон всему повествованию, уточняя и концентрируя смысл рассказанного. По-видимому, так произошло и с отбором эпитафии к литературному портрету Якушкина: «Жил на свете Живулечка, как ему господь повелел», который дан со ссылкой на источник – сказка о Живулечке. В русском фольклоре нет сказки, героем которой был бы некий Живулечка, но в черновых рукописях к сказке «Маланья – голова баранья» сохранился пересказ фламандской легенды о нужде, смерти и грушевом дереве, положенный Лесковым в основу сюжета. Писатель значительно изменяет заимствованный сюжет о старушке Нужде, которая перехитрила Смерть, вводя в качестве действующих лиц приемных детей старухи Маланьи – Ерашку и Живулечку. Образ Живулечки, проходящего через ряд испытаний и не потерявшего интереса к жизни, ассоциировался Лесковым с образом Якушкина. В предислании

к очерку эпитафии особый смысл приобретает вторая часть: «как ему господь повелел». Здесь содержится намек на особое предназначение героя, отличающее его образ жизни от жизни общества в целом. Доказательству этой идеи подчинена композиция литературного портрета Якушкина.

Лесков придавал особое значение композиции своих произведений и отмечал, что его склонность «писать мемуаром», располагая материал в хронологическом порядке, объясняется стремлением воспроизводить течение жизни в ее естественной последовательности. «Жизнь человека, – писал Лесков в «Блуждающих огоньках», – идет как развивающаяся со скалки хартия и я ее так просто и буду развивать лентой» [3, 169]. Этот принцип децентрализованного развертывания сюжета, «лентой, без апофеоза, даже без кульминационной точки» (письмо И.С. Аксакову от 19 февраля 1881 года) был впервые использован писателем в исторической хронике «Старые годы в селе Плодомасове, где были даны картины быта, нравов и галерея типов русской жизни, начиная с эпохи Ивана Грозного. Жанр хроники, основанный не на романтической фабуле, а на «временном» изложении событий, определил впоследствии и композицию «Соборьян». Хроникальная композиция показательна и для тех произведений Лескова, в которых рассказчик, он же герой, сообщает слушателям о приключениях и происшествиях своей жизни. Так построены очерки «Смех и горе», рассказы «Очарованный странник», «Заячий ремиз».

Органически свойственный Лескову принцип развертывания произведения многократно варьировался писателем, и в этом отношении воспоминания о Якушкине представляют собой новый тип хроникальной композиции, обусловленный особенностями характера личности, о которой рассказывает мемуарист. Он описывает «похождения» Якушкина в коротких отрывках: такой способ повествования Лесков избирает потому, что это единственная форма, в которой можно передать суждение о лице, не «укладывающемся ни в какую форму». Опыт изображения «вдохновенного бродяги», через который прошел Лесков, работая над рассказом «Шерамур» [4], оказался плодотворным в воплощении замысла очерка о Якушкине.

Доминирующей чертой характера Якушкина Лесков считает его «направление к простонародности» [4], о чем «сообщает» взятый из фольклорных источников эпитафия очерка. В

отсылке к фольклорному жанру скрыто сообщение о роде занятий Якушкина-фольклориста и этнографа. Однако «простонародность» Якушкина в его литературном портрете явно гиперболлизирована и шаржирована. Как справедливо указывает В. Базанов, сама личность Якушкина «стала достоянием фольклора, дружеской молвы, народной и товарищеской», еще при жизни [2, 282].

Лесков начинает свои воспоминания о юных годах Якушкина-гимназиста очень характерной «оговоркой», которая затем будет постоянно подкрепляться приводимыми мемуаристом фактами: «... Павел Иванович оставил по себе в ближайших поколениях героические предания: говорили о крайней его небрежности в туалете, и особенно о его «вихрах» [3, 71]. Память мемуариста сохранила эту деталь облика Якушкина, но она использована Лесковым не для того, чтобы индивидуализировать его внешность. Визуальный образ «вихров» – метафора доминирующей черты характера Якушкина, «выстроенного» автором-повествователем.

Сообщая о «вихрах» Якушкина, Лесков убеждает читателя, что именно эта деталь его внешнего облика воспринималась и соучениками его, и администрацией гимназии как знак неповиновения порядку, демонстрируя, «как не должно себя содержать». Уже в первой главке очерка, посвященной доказательству этого тезиса, появляется «апокрифический» акцент рассказа: Лесков объясняет происхождение «могучих вихров» сверхъестественной силой, которая была свойственна их обладателю. Молва наделяла Якушкина способностью мгновенно вырастить «вихры», представляя его «чем-то вроде тунгусского чудотворца, который, проведя рукою по распоронному брюху, заживляет рану в одно мгновение ока» [3, 72]. Это сравнение героизировало облик Якушкина (он своими «вихрами» «убивал господина директора») в глазах гимназистов еще и потому, что одновременно Павел Иванович при пострижении его «грубо оправдывался такими мужицкими словами, что во всем классе помирали со смеху».

Таким образом, Лесков, уже в самом начале воспоминаний фольклоризирует образ Якушкина, включая в повествование наряду с сообщением реальных биографических фактов из жизни товарища, «апокрифические» наслоения в виде элементов такого жанра, как предание и сказка. Однако жанровая доминанта фольклорного предания существенно корректируется

Лесковым, так как он ведет рассказ о человеке, героизм которого заключалось, по мнению автора, в активном отрицании принятых норм общественного поведения. «Мужицка чучелка», – так определяет стиль поведения гимназиста Якушкина учитель немецкого Функендорф, словами которого Лесков подводит черту под рассказом о «вихрах» в первой главе литературного портрета.

Героизм Якушкина – человека, посвятившего себя изучению народа, представлен в ряде курьезных случаев, а его простонародные манеры поданы таким образом, что часто заслоняют от читателя реальный масштаб личности портретируемого. Так, во второй главке воспоминаний Лесков развивает тему «простонародности» Якушкина и вспоминает о том, что красная рубашка и плисовые шаровары Павла Ивановича не согласовывались в восприятии мужиков с его очками. Они считали, что он «кто-то ряженный», а «Ряженный и есть... черт!» [3, 73].

Точка зрения гимназического начальства и соучеников Якушкина дополняется мнением народа, той частью общества, к которой обладатель непокорных «вихров» испытывал неподдельный интерес с детства. Образ Якушкина получает неожиданную интерпретацию: в народном восприятии он черт, то есть путаник, ряженный, обманщик, не тот, за кого себя выдает. Таким образом, Лесков использует визуальный образ не только в целях конкретизации внешнего облика героя воспоминаний; скорее он имеет отношение к характеристике среды, с позиций которой оценивается его манера поведения и поступки.

До «Товарищеских воспоминаний о П.И. Якушкине» тема «ряженного» возникает в рассказе «Овцебык» и связана с образом Василия Богословского, одним из первых в творчестве Лескова героев-«праведников», ищущего подлинный смысл жизни и для себя, и для других. Изображенная Лесковым в десятой главе рассказа сцена разговора Овцебыка с мужиками показывает, насколько далек герой от понимания истинной сущности народного мировоззрения. Объяснение социальных законов с помощью горсти гороха мужики воспринимают как забавное представление, а рассуждающего Богословского принимают за комедианта («Покажи, просят, опять эту комедию»), ненастоящего мужика, который не способен выполнять никакую настоящую работу. Герой рассказа кончает самоубийством, ему некуда идти, его трагический конец предопределен.

В очерке отсутствуют сведения о том, как ушел из жизни Якушкин. Этот мотив не вписывался в лесковскую концепцию «божьего человека», не понятого обществом, но вдохновленного «праведничеством»: добротой и незлобием, которые он постоянно проявлял к окружающим его людям.

Возвращаясь к функции мотива ряженого, обратим внимание на то, что, появившись во второй главке воспоминаний, он конкретизируется Лесковым в седьмой главе в анекдотичной ситуации с неспособными, по определению Якушкина, сапогами Лескова. Этот же эпизод из истории взаимоотношений Лескова и Якушкина уже вошел в рассказ «Овцебык» и «растворился» в череде не менее парадоксальных фактов биографии персонажа произведения [5, 171]. В литературном портрете Лесков возвращается к истории с сапогами затем, чтобы расширить круг лиц, видевших в поступках Якушкина скрытый, враждебный смысл... «Это не человек, это черт!» – так характеризует его горничная немка. Он, поясняет Лесков, взяв без спроса сапоги, представлялся ей «опасным хитрецом и даже, может быть, чем-нибудь хуже» [3, 78]. Данным мнением можно было бы пренебречь, тем более, что высказано оно немкой, не знавшей русского языка и не сказавшей ни слова с Якушкиным. Однако этот факт становится еще одним аргументом, который использует Лесков, создающий образ человека, во всех отношениях «выпадающего» из окружающей его действительности.

Мотив «несоответствия» Павла Ивановича общепринятым нормам жизни реализован и в композиционной структуре практически каждой из семнадцати небольших по объему глав. Они, как правило, состоят из двух частей. Сначала Лесков рассказывает о каком-либо эпизоде из жизни Якушкина, а завершает главку авторское толкование побудительных мотивов его поступка.

Так, история об обеде Якушкина с псковским полицеймейстером Гемпелем, который арестовывал его незадолго до этого, приведена со слов возмущенного С.С. Громеки. В передаче Громеки, Якушкин был страшно удивлен тем, почему на Гемпеля «люди сердятся, когда я не сержусь? Он чудесный мужик и свое дело делал» [3, 73]. Рассказанному Лесков предпосылает замечание о том, что своих почитателей в литературе Павел Иванович ставил «в затруднение насчет его «странного характера». Однако в последующих затем главках Лесков не только не дает оценку

литературной и публицистической деятельности Якушкина, но даже не упоминает об очерках «Бунты на Руси», опубликованном в 1863 году в «Современнике», «Путевых письмах из Орловской губернии» (1861) «Путевых письмах из Астраханской губернии» (1868-1969), увидевших свет в «Отечественных записках» и других произведениях, появившихся в периодической печати и будораживших общественное мнение.

О литературной деятельности Якушкина читателю воспоминаний предстоит судить по двум пассажам в четвертой и пятой главе, а также по характеру изображения его взаимоотношений с Некрасовым. В каждой из них Якушкин представлен как человек, чуждый литературному творчеству, чуждый пониманию того исторического момента, который переживала отечественная словесность в 60-е годы. «Редакционные соображения» Якушкина на заседаниях «Библиотеки для чтения» представлены только лишь как веселые поощрения выпить и закусить, а раскол в отношениях между «постепеновцами» из «Отечественный записок» и нетерпеливцами «Современника» как полное непонимание серьезности их литературных разногласий. Выказанное одним из литераторов соображение о том, что требование получить семь рублей у Некрасова за «неспособные» желтые ботинки, взятые Якушкиным у Лескова, были связаны с желанием Павла Ивановича сблизить Некрасова и Лескова, не были серьезно восприняты последним. Сам поступок Лесков расценил как проявление наивности и безалаберности Якушкина.

В изложении мемуариста отношения Некрасова и Якушкина предстают почти водевильными, а между тем личность писателя-фольклориста и сфера его занятий были настолько серьезно оценены Некрасовым, что в образе Павлуши Веретенникова – одного из героев «Кому на Руси жить хорошо», он выразил свое отношение к деятельности Якушкина и подвижников, подобных ему.

Постоянно проводя мысль о легкомыслии Якушкина, Лесков излагает как курьез значительный во всех отношениях случай из его биографии, связанный с известной фотографией ученого-фольклориста, где он изображен «в очках и с подогнутыми под себя ногами». Не уточняя, каким образом фотография Якушкина с подписью «Rougatscheff» оказалась в Париже, в Пале-Рояле, Лесков рассматривает сам факт появления ее как «забавную шутку» судьбы. Рассказ о появлении фотографии вписан в контекст се-

тований Лескова о «трогательной истории» удавления Якушкина из Петербурга: в деятельности «этой олицетворенной простоты, этого ребенка, требовавшего няньки», он не усматривает никакой угрозы общественному устройству.

Настойчиво повторяющийся в очерке мотив «простоты» Якушкина корнями уходит в эпоху 60-х годов, когда Лесков, выступая с передовой статьей в «Северной пчеле», высказывает убеждение в том, что крестьянство – сословие, для которого «не существует никаких политических вопросов и что если в его памяти живы какие-либо политические события, то решение их давно отнесено к власти божией...».

В 80-е годы, в пору создания воспоминаний о Якушкине, для Лескова оказывается актуальным напомнить читателю эту точку зрения, развивая мысль о своеобразии проявления «мужицкого» народознания своего героя.

Дело в том, что преследования Якушкина за его дружбу с народом и правдивое освещение в печати его истинного положения накануне реформы 1861 года, были вполне обоснованы. Архивные документы того времени показывают: правительство Александра II опасалось, что ученые-фольклористы и этнографы, «сливаясь... с народной массой... будут непременно находить сочувствие народа и послужат проводниками всевозможных идей и толков. Что сочувствие к ним будет велико, свидетельствуют строки из письма Якушкина», – писал министр внутренних дел Ланской [6, 142]. Сам Якушкин в статье «Несколько слов о мирской сходке», опубликованной в «Северной пчеле» 3 июня 1860 года, писал, что целью его планируемой поездки в Ярославскую, Владимирскую и Костромскую и Вологодскую области зимой 1859-1860 года было «изучение мирской сходки» как формы народного самоуправления. В. Базанов приводит еще целый ряд фактов, свидетельствующих о том, что «хождение в народ» Якушкина имело целью не только фольклорные и этнографические изыскания, а преследование его носило характер политический [2, 276-281].

Не только общественная, но и литературная деятельность писателя Якушкина, о которой Лесков знал, могла дать основание для подписи «Pougatscheff» под его фотографией. В «Путевых письмах из Орловской губернии», появившихся на страницах «Современника» в 1861 году, значительное место занимают записи преданий о разбойниках. «Любовь к разбойничьим песням, писал А.Н. Пыпин, – продолжалась и

будет продолжаться до тех пор, пока существуют породившие их общественные причины». Цитируя этот отзыв Пыпина, известный фольклорист Л.И. Землянова, справедливо заметила, что «Приводимые Якушкиным легенды являются прекрасным доказательством справедливости этих слов» [7, 191]. Одним из наиболее популярных на орловщине преданий, судя по записям Якушкина, было предание о Тришке Сибиряке, защищавшем слабых и восстанавливавшим социальную справедливость. Народ, по словам Якушкина, относился с большой симпатией к разбойникам-протестантам, поэтому, находясь в ссылке в Астраханской губернии, он записывает народные легенды о Ермаке, Емельяне Пугачеве и Степане Разине. Основная часть астраханских «Путевых писем» представляет собой беллетризованный диалог между едущим в вагоне рассказчиком и его собеседниками. Емельян Пугачев в записях Якушкина представлен как «храбрый воитель, только пил уж очень крепко», «добрый был человек... едет по улице – и направо и налево пригоршнями деньги в народ бросает». Слушая казаков, Якушкин вспоминает о «Капитанской дочке» Пушкина и подводит итог: «Пугачев Пушкина в «Капитанской дочке» взят из местных рассказов».

Как свидетельствуют факты, Якушкин много и плодотворно работал и в Орловской, и в Астраханской ссылке, собирая фольклор, тем самым по-своему воплощая идею заступничества за народ. Однако Лесков обходит эту сторону жизни Якушкина, ссылаясь на то, что «из этой последней поры его жизни, кажется, в литературной семье нет до сих пор никаких сведений» [3, 85]. Мемуарист сознательно «затушевывает» в характере Якушкина то, что не вписывается в его концепцию этого человека. Особенно ярко позиция автора проявляется в пяти финальных главах литературного портрета, в которых Лесков подводит итог воспоминаниям и формулирует свое «личное мнение о покойном Павле Ивановиче», прибегая к своеобразной «рубрикации» материала: нравственные качества (добро), интеллект (ум), отношение к политике, социальные симпатии (выделено Лесковым). В этой части воспоминаний Лесков рассуждает, подводя итоги рассказанным случаям из жизни, и прямо формулирует свою точку зрения на Якушкина. Это человек, которого отличало от всех других «святое, всепобеждающее незлобие,... незлобие праведника» и «доброта его... чисто пассивная» [3, 82, 84].

Именно в этом ключе следует интерпретировать строки, вошедшие в тринадцатую главу, о «находчивой выходке с букетом, брошенном к позорному столбу Н.Г. Чернышевского». Лесков кратко сообщает о том, что «Якушкин спас девушку, бросившую букет», и никак не комментирует свои слова. Между тем, эта история получила всероссийскую огласку. Так, нижегородский губернатор Н.А. Огарев писал князю В.А. Долгорукову: «Надо положить, наконец, предел свободе незаконных действий этого бродяги-литератора, доказавшего... вредное направление мыслей и дерзость во время беспорядков, сопровождающих приведение в исполнение санкции над Чернышевским...» [6, 222].

По-видимому, следует согласиться с одним из авторитетных исследователей биографии и творчества Якушкина В. Базановым, который, считая литературный портрет Лескова наиболее правдивым из всех воспоминаний о нем, говорит о сознательном изображении его как «божьего человечка» и старательном разрушении легенды о нем, как о Пугачеве. Высказывая справедливую мысль, исследователь не дает прямого ответа на вопрос, почему Лесков творит свою собственную «безопасную» легенду о Якушкине, которого нет в живых уже почти десять лет?

Ответ на этот вопрос, имеющий прямое отношение к своеобразию жанровой специфики «Товарищеских воспоминаний о Якушкине», следует искать в обстоятельствах творчества Лескова 80-х годов. В это время Лесков увлеченно работает над переложениями Пролога,

создавая собственные варианты «апокрифов» на сюжеты произведений религиозной литературы, тематически связанные с книгами Ветхого и Нового заветов. Для апокрифа было характерно включение «еретических» элементов, отвергаемых канонической литературой, наличие поэтического вымысла и фантастики, морального дидактизма, что делало их популярными в широкой читательской среде [8; 9].

Работая над образом Якушкина, Лесков «вписывает» его характер в контекст героических характеров «праведников» христианской письменности, «освобождает» его от свойственных реальной личности Якушкина сложностей и противоречий. Его визуальный образ, задав тон повествованию, постепенно «тускнеет» в памяти читателя и приобретает обобщенный характер. В нем отражаются многочисленные, чаще отрицательные, суждения о социальном негативизме Якушкина, выраженном в его манерах, поведении, одежде.

Своеобразный жанр воспоминаний Лескова можно было бы определить как «биографо-апокрифический». Оригинальность его проявляется в том, что основой его является «канонический» подтекст общеизвестных фактов биографии Якушкина. В представлении Лескова они неотделимы от «апокрифических» наслоений в виде разнообразных слухов, свидетельств современников и очевидцев, в которых отражается и своеобразие переживаемой автором эпохи, и индивидуальная неповторимость характера героя литературных воспоминаний.

Литература

- 1 Шелгунов Н.В. Литературная критика. – Л., 1974.
- 2 Базанов В.Г. Русские революционные демократы и народознание. – Л., 1974.
- 3 Лесков Н.С. Собр. соч.: В 1 т. – М., 1955.
- 4 Плещунов Н. Очерк Н.С. Лескова «Шерамур» // Труды Азербайджанского гос. университета. – Баку, 1941.
- 5 Горелов А.А. Н.С. Лесков и народная культура. – Л., 1988.
- 6 Баландин А.И. П.И. Якушкин. Из истории русской фольклористики. – М.: Наука, 1969.
- 7 Землянова Л.М. О роли фольклора в литературной деятельности П.И. Якушкина // Русский фольклор. Материалы и исследования. – М., 1958.
- 8 Мещерский Н.А. Апокрифы в древней славяно-русской письменности: Ветхозаветные апокрифы // Н.А. Мещерский. Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей, хранящихся в СССР. – М., 1976.
- 9 Мильков В.В. Дневнерусские апокрифы. – СПб., 1999.

References

- 1 SHCHelgunov N.V. Literaturnaya kritika. – L., 1974.
- 2 Bazanov V.G. Russkie revolyucionnye demokraty i narodoznanie. – L., 1974.
- 3 Leskov N.S. Sobr. soch.: V 1 t. – M., 1955.
- 4 Pleshchunov N. Oчерk N.S. Leskova «Sheramur» // Trudy Azerbajdzhanskogo gos. universiteta. – Baku, 1941.

- 5 Gorelov A.A. N.S. Leskov i narodnaya kul'tura. – L., 1988.
- 6 Balandin A.I. P.I. YAkushkin. Iz istorii russkoj fol'kloristiki. – M.: Nauka, 1969.
- 7 Zemlyanova L.M. O roli fol'klora v literaturnoj deyatel'nosti P.I. YAkushkina // Russkij fol'klor. Materialy i issledovaniya. – M., 1958.
- 8 Meshcherskij N.A. Apokrify v drevnej slavyano-ruskoj pis'mennosti: Vethozavetnye apokrify // N.A. Meshcherskij. Metodicheskie rekomendacii po opisaniyu slavyano-russkih rukopisej, hranyashchihся v SSSR. – M., 1976.
- 9 Mil'kov V.V. Dnevnerusskie apokrify. – SPb., 1999.